

Татьяна МАВРИНА,

лауреат Государственной премии СССР,
лауреат международной премии имени Г.-Х. Андерсена

„ГУСИ, ЛЕБЕДИ, ДА ЖУРАВЛИ...“

Так хотелось бы мне назвать альбом пейзажей Блоковских мест. Пишу «Блоковских» с заглавной буквы, потому что сейчас привыкли к этому названию целой округи.

Написаны поэтом эти строчки в 1919 году 3 ноября, как рисуется мне, в нетопленной квартире, за аккуратно прибранным столом.

Годы, тяжелые для нашей страны, делали всех очень взрослыми, а тут — восторженно-тоскливые слова как будто еще молодого Блока, что-то в них детское, особенно — журавли.

В былинах, сказках бывают лишь гуси-лебеди, а журавли — птица Шахматовских болот. Поэт влюбленно видал их, наверное, каждый год.

*Тает в небе журавлиный
Удаляющийся крик...*

Или:

*Мы взором пристальным
следим
за летом журавлиным...*

Вставил Блок про журавлей в цикл «Кармен»:

*Этот колос ячменный — поля,
И залистый крик
журавля...*

Журавли в нашем Подмосковье более доступны, чем «гуси-лебеди». И если кто-нибудь хоть раз увидит вблизи их полет, то уж никогда не забудет, испытать, может, восторг не меньший, чем испытал толстовский Оленин от впервые увиденных гор.

Черные нотные знаки на закатном небе, когда журавли (и их много) летят с уютным и в то же время громким урчанием на ночлег в свое болото, будто сама земля и небо дышат этим «курлы-курлы». А днем, серебристо-серые, взмахами своих громадных, отороченных черным крыльями, они повторяют абрис облаков, сливаются с ними...

Гусиные стаи крикливы, вроде громкоговорителя. Лебединые — тихие, слышен только шорох их крыльев. Так сказал мне и анималист-художник, видевший лебедей этим летом в Снегирях.

Любовь к Блоку с юных лет долго пролежала на дне памяти. Вхутемасовские увлечения Маяковским, Каменским, Уткиным меня не коснулись.

Блок остался. А строчки Ахматовой: «...И помнит Рогачевское шоссе разбойный пошест молодой Блока...» заманили разыскать Рогачевское шоссе, а там и самого поэта, и нарисовать все, что увидишь.

Было это лет пятнадцать назад. От Лобни, мимо знаменитого озера Киёва, гнездясь чаек, шла неухоженная, непроезжая для машины дорога. Заросшие ржаво-охряным камышом, синие от ветра болота. Тучи чаек. Ранняя весна, все шумит и движется, но далеко не уедешь!..

Лишь когда провели асфальтированное шоссе до Рогачева, можно было попасть куда захочется.

Вспоминались «Осенняя воля», цитаты из писем к Любови Дмитриевне и Панченко, так часто сейчас печатающиеся в статьях о Блоке. Тогда они были свежи и призывны, перечитанные заново, выписанные для памяти: «Целый день я ехал по сияющим полям...», «На утре дней...».

Выписала я их даже раньше, чем открыла для себя Рогачевское шоссе — дорогу к Блоку.

Зигзаг за зигзагом, леса, холмистые луга, старые деревни, озерки.

«Мир, зримый с высоты седла» — для поэта, а для нас — из окна машины или при пешем хождении по этим местам «с болотами и журавлями».

...Озерецкое со старой церковью, всегда с голубым, спорящим с небом куполом — сейчас заново до блеска отреставрированным — белым, оранжевым, зеленым. Рядом большое озеро с непролазными берегами, тополя с синими грачами на кладбище... Храброво, Свистуха, Подъячево, где жил писатель и где очень много снегирей.

Если смотреть по карте, то

сов, спускающихся к речке Лутосне.

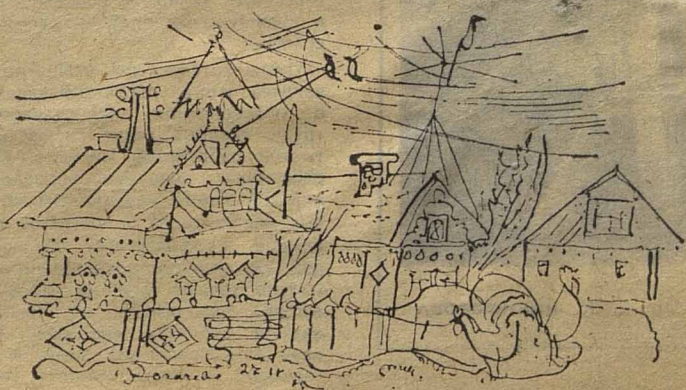
Речка-невеличка, долина ее на редкость живописна. Рука не устает рисовать все подряд — горизонты, изгибы полей, тропки, все, что увидишь вблизи и вдаль. Вот проскакал зайчик, стоит у дороги чибис и обсыхает на солнце. Машины он не боится, как не боится ее и журавли, которых нам удалось поднять из болота лишь охотничьим особым криком водителя машины.

Рогачевское шоссе — самая красивая дорога «к Блоку», но обычно едут через Солнечногорск, по Тарахановскому тракту. Там больше низин, болот и «бездонное озеро».

Может, дед поэта ботаник Бекетов вслед за Менделеевым выбрал для жизни эти мокрые места, цена болота как «кладовую влагу», нужную для буйного роста (очень, очень буйного здесь!) всяких трав на полях, во «врах некошенных», а поэт болото воспеет влюбленно: «Полюби эту вечность болот...».

Альбом я построила по плану, заданному самим поэтом в «Возмездии». «Пропадая на целые дни — до заката, он очерчивает все большие и большие круги вокруг родной усадьбы».

Я и назвала Большим кругом

Т. МАВРИНА. Рисунки для альбома «Гуси, лебеди, да журавли...», посвященного Блоковским местам Подмосковья.

где-то поблизости начинается и речка Лутосня — Блоковская речка.

...Клусово с монолитным сосновым бором, все мокрые места заросли калужницами, а от этого весь пейзаж залился малиновым цветом. Поворот на Турбичево — там крупные синие первоцветы и бежала лиса. Так мы и говорим, когда хочется туда завернуть: поедим к лисе!

Дорога в небо, по откосу текут стада... Кульпино... Горчаково — рукой подать до Шахматова. Говорят мальчишки — вон туда! — а там стоят в зелени три почти красных коня.

Мы едем дальше, до Новосёлки, свернули к Тараханову. Чибисы в болоте. А как-то я ранней весной видала в этих местах, в снегопад, спускавшуюся на воду стаю диких уток.

С полдороги голубые дали. Похоже на Байдарские ворота в Крыму. Гладкие холмы — зеленые лбы — весной с языками ле-

длинный путь по речке Лутосне (начиная от Блоковского камня), через Рогачево, по синей от свежего асфальта дороге, через четыре моста.

Речка вьется с причудами, то теряется, то разливается. Гремучий ручей! По звуку, почти весеннему (ехали после дождя), мы его и нашли, остановились и потеряли себя в его зарослях, в журчании коричневой воды, в белых облаках, вертикально стоящих над кустами. Оказывается, мало «найти себя», интереснее «потерять себя».

В густой траве
пропадешь с головой...

Погружался я
в море клевера...

Где-то у Попелкова, что красуется на большом зеленом овсяном бугре, а по зелени еще вьется, зеленой же змейкой, дорога, впадает в Лутосню еще один ручей-речка. А к «Зубов-

ской» фабрике, куда часто ездили Блок и Любовь Дмитриевна, Лутосня — широкая, обросла большими ветлами, и мост через нее каменный. Мужики с яркими пластмассовыми газами идут в баню и из бани. Мокрыми сосульками на лице и шее висят их расчесанные волосы.

Дальше крутые скаты белой глины. Может, из нее и делают мозаичные плитки, которыми украшены все автобусные остановки до Рогачева?

Мозаики получились красивые, тона плиток изысканные. Темы самые разные — от сказочно-былинных до космонавтов... Второй большой мост.

А шоссе такое густо-синее, что делит пейзажи кругом, как ножом. По бокам цветут акации, сирень, сизые елки с обрезанными верхушками. Наперегонки вылезают из густой травы купавки, синие столбики, раковые шейки, герань, лютики, сурепка большими букетами. «Пора цветения началась»... Дорога манит.

«...И всегда тропинка или дорога — главное, среднее, спереди и сзади, оставленное и манящее, в гору и под гору. Тут особенные мысли... Тут — я у себя...»

Особенно по душе мне последние слова: «Тут — я у себя...»

Дороги и тропки я люблю, даже слишком, от жадности.

Третий мост в Заовражье. Речка уходит из холмов и долов в торфяные ровные поля, незаметно впадает в реку Сестру (что течет из озера Сенег), у Усть-Пристани, Пустыни (где до сих пор еще стоит церковь XVI века) сливается с рекой Ахромой, а потом у Дубны — Волга.

Вот я и встретилась с Блоком географически. На Волге я выросла.

Ровные горизонты. Игра линий лишь у речек и деревень.

Верхом сюда Блок, конечно, мог приезжать, соблазняясь «степью», «Куликовым полем».

Очень большая разница в пейзажах. То холмистые дали, извилистые поля и тропки, то ровные дороги. Пойма Волги, где может «река раскинуться и течь, грустить лениво».

А синяя дорога ведет дальше, к Рогачеву, около Покровского поворота на Боблово, к Менделееву... В Воронине белая церковь, а еще раньше, в деревне Бабаики, интересный деревянный трехэтажный дом. Особенность архитектуры здешних деревень. Ближе к Тараханову, в болотной комариной деревне Дубравки, одиноко стоит столбом двухэтажный кирпичный дом, пустой.

Рогачево после Михалева, Трехденева, Рогачево — столица грачей, так их там много, ходят по улицам вместо голубей.

Городок? Поселок? Почти нетронутые захолустные фигурные фасады, чердаки. Уютная площадь и величественный купеческий, может, даже очень нелепый, собор в середине... и речка Дурочка.

Туча, касаясь своим краем горизонта, шла за нами, большая, сизая, а по краям — золотистые кудри облаков. Ливень. Радуга. Мы поворачиваем на Новосёлки.

...Аладьино с широкой зеленой улицей между рядами домов самых разных стилей. Ниже по косогору речки Лутосни — Демьяново-Костюкино. И везде голубые дали, ячменные поля — в прошлом году, этим летом — пшеница.

— А, вы Блока знаете! — сказал нам тракторист. — Внук Бекетова здесь не ездил к своей невесте в Боблово, наши деревни были вольные, драчливые. Ездил он через Новосёлки — так мне бабка рассказывала.

Верно ли, нет ли, но интересно то, что местное население уже вошло в круг людей, знающих Блока.

Спускаемся ниже. Четвертый мост через Лутосню у Тараханова, на дорожном знаке — олень. Большой круг обехали. Завернули к Шахматовскому бугру.

Старый дом глянет
в сердце мое...

И овраг, и бурьян,
И в бурьяне —
колючий шиповник...

Сейчас, когда еще не тронуты дикие места около Блоковского камня, достаточно просто пройти по оврагу, по скосу луга, где жил когда-то поэт.

Сегодня все играет от клубящегося неба. Все налитое цветом, густым и ярким, с черными зубцами елок... «Здесь никто не щадит красок».

«У нас дожди, солнце иногда выглядит, есть страшно зелено, глухо и свободно, «как в первый день создания»!»...

Хорошо, если после реставрации Блоковского заповедника останется все «как в первый день создания»!...